

Артем Григорьевич Репьев

*Старший преподаватель кафедры административного права
и административной деятельности органов внутренних дел Барнаульского
юридического института МВД России, кандидат юридических наук
E-mail: rep-ev-artem@yandex.ru*

**Правовой иммунитет государства:
предостережение от попыток искажения
и подмены фундаментального принципа
международного права
(часть 1)**

Аннотация: в статье анализируется сущность и понимание принципа «иммунитет государства» в свете сложившегося на сегодняшний день глубокого кризиса культуры права как во внутригосударственных правоотношениях, так и в международных. Предпринимается попытка предостережения западных и ряда отечественных политологов и правоведов от стремления к искажению и подмене фундаментальных положений международного права.

Актуальность статьи обусловлена необходимостью анализа сущности и понятия юридического иммунитета государства, его роли во взаимосвязи с категорией «суверенитет». На этой основе с авторских позиций выдвигается тезис о том, что термины «иммунитет» и «суверенитет» государства тесно взаимосвязаны, при этом связующим звеном в данном дуэте выступает понятие «юрисдикция».

Ключевые слова: правовая культура, правовое преимущество, юридический иммунитет, суверенитет государства, юрисдикция, демократия, «ограниченный» суверенитет, правовая культура.

Artem Grigor'evich Rep'ev

*Senior lecturer of the Chair of administrative law and administrative
activity of agencies of internal affairs of the Barnaul law institute of the
Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of law science*

**The Legal Immunity of the State:
a Warning Against Attempts at Distortion
and Substitution of the Fundamental Principle
of International Law
(Part 1)**

Annotation: the article analyzes the essence and understanding of the principle of the “state immunity” in light of the current profound crisis of cultural rights as legal relations in both domestic and international legal relationships. One attempts to warn both the Western and Russian political scientists and legal scholars from the desire for distortion and substitution of the fundamental provisions of international law.

The urgency of article is connected with the necessity of analysis of the essence and the concept of law of state immunity, its role in relation to the category “sovereignty.” On this basis, with the author’s positions one puts forward a thesis that the terms “immunity” and “sovereignty” of the state are closely linked, with the link in this duet is the concept of “jurisdiction”.

Keywords: legal culture, legal advantage, legal immunity, sovereignty of state, jurisdiction, democracy, “limited” sovereignty, legal culture.

Уже более года весь мир наблюдает за политическим кризисом, сложившимся в Украине. На сегодняшний день он вышел за рамки напряженной ситуации в отдельно взятой стране, и даже за рамки внешнеполитического кризиса. Представляется, что сейчас это уже кризис не только дипломатии, но и права и его культуры. Причем культуры права как во внутригосударственных правоотношениях, так и в международных.

Внешнее выражение этой ситуации происходит путем подмены юридических норм, правовой культуры и правового сознания грубой политической силой. Налицо «ретуширование» фундаментальных положений прав человека, сформулированных в уставе и конвенциях ООН, а также итоговых документах Хельсинского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Фактически, вся система международно-правового мироустройства поставлена под сомнение.

Некоторые международные правозащитные организации дискредитировали себя, вступив в информационную войну «Запад — против России». Отдельные правозащитники отмалчиваются, придерживаясь нейтралитета, другие же — деморализованы, поскольку, исходя из политических и конъюнктурных интересов, действуют на основе ими же интерпретированных принципов международного права.

Наиболее ярко данная проблема проявляется на примере нарушения принципа иммунитета государства, в том числе, путем военного вмешательства стран НАТО во внутренние дела государства. Не углубляясь в политические рассуждения на тему кризиса в Украине, попробуем разобраться в сущности и содержании категории «иммунитет государства» для того, чтобы определить его роль в современной правовой системе, способность остановить произвол и поправление прав человека.

Современной юридической литературе известны различные подходы к пониманию иммунитета государства. Наиболее распространенной является позиция ученых, считающих, что иммунитет государства — это основополагающий принцип международного права, вытекающий из начала государственного суверенитета. В силу равенства всех государств, одно государство не может осуществлять власть в отношении другого — «*par in parem non habet imperium*» («равный не имеет власти над равным»)¹. Среди ученых, занимающихся исследованиями в области международного права, юридическая природа иммунитета государства также обосновывается через его суверенитет. Л. А. Лунц утверждает, что «иммунитеты государства вытекают из общепризнанного начала международного публичного права — из начала суверенитета государств»². Я. Броунли занимает аналогичную позицию, полагая, что иммунитет государства по своей сущности обусловлен суверенитетом. Автор даже настаивает на правильности формулировки «суверенный иммунитет»³. Советская международно-правовая наука также твердо придерживалась понимания иммунитета как следствия суверенитета государств, их независимости и равноправия⁴.

¹ Словарь международного права. М., 1986. С. 100.

² Лунц Л. А. Курс международного частного права : Особенная часть. М., 1975. С. 75.

³ См.: Броунли Я. Международное право. М., 1977. Т. 1. С. 425.

⁴ См.: Усенко Е. Т. Иммунитет государства от иностранной юрисдикции и исполнительных мер. М., 1962. С. 11.

На этой, представляющейся верной, методологической позиции мы и будем основываться, характеризуя сущность иммунитета, заключающегося в неподверженности¹ одного государства другому.

Можно также с уверенностью утверждать, что международно-правовая доктрина рассматривает иммунитет государства как прямое следствие реализации принципов уважения суверенитета и равноправия государств. Вытекая из основных принципов международного права — суверенитета и равенства государств, — иммунитет государства не перестает быть самостоятельным принципом общего международного права и в этом качестве общепризнанной международно-правовой нормой. Речь идет о взаимном обязательстве государств воздерживаться от осуществления своей власти в отношении друг друга в пределах своей территории, а также в пространстве вне государственной территории, на которую распространяется юрисдикция данного государства. Государства на взаимной и равноправной основе подчиняют себя действию этой нормы так же, как и международному праву в целом².

Краткий анализ литературы и нормативной правовой базы показал, что термины «иммунитет» и «суверенитет» государства тесно взаимосвязаны. Как связующее звено в этом дуэте, на наш взгляд, выступает еще и понятие «юрисдикция». Не случайно в современном международном праве категории «юрисдикция» отводится немаловажная роль в процессе реализации суверенитета государства. Утверждается, что юрисдикция проявляется в понятии «суверенитет» и означает государственную власть, ее объем и сферу действия. Юрисдикция осуществляется в соответствии с рядом принципов, основным из которых является принцип территориальности³. В проекте Декларации прав и обязанностей государств он сформулирован следующим образом: «Каждое государство имеет право осуществлять юрисдикцию над своей территорией и над всеми лицами и вещами, находящимися в ее пределах, с соблюдением признанных международным правом иммунитетов»⁴.

Как полагает Н. А. Ушаков, применительно к принципу иммунитета государства термин «юрисдикция» употребляется в широком его значении — осуществление государством своих властных правомочий. Государственная власть, будучи единой, состоит из законодательной, исполнительной (административной) и судебной, что и объединяется в понятии «юрисдикция»⁵. «Юрисдикция» свидетельствует о конкретных аспектах общей правовой компетенции государств, часто называемой «суверенитетом». Это важнейшая форма проявления суверенитета, включающая судебную, законодательную и административную

¹ Филологический анализ и обоснование данного авторского неологизма, а также его значение для понимания сущности категории иммунитет мы подробно раскрывали в предыдущих работах. См., напр.: *Репьев А. Г.* Текстобразующие элементы закрепления правовых преимуществ в понятийном аппарате юридического языка // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России.* 2014. № 4. С. 67–71 и др.

² См.: *Ушаков Н. А.* *Международное право.* М., 2000. С. 46–47.

³ См.: *Лукашук И. И.* *Международное право. Общая часть.* М., 2001. С. 165–176.

⁴ Проект Декларации прав и обязанностей государств от 6 декабря 1949 г. : принят Комиссией международного права ООН, Резолюцией 375 (IV) от 6 декабря 1949 г. URL: <http://www.prawoteka.ru/pst/94/46626.html> (дата обращения: 30.03.2015).

⁵ См.: *Ушаков Н. А.* *Юрисдикционные иммунитеты государств и их собственности / отв. ред. Р. А. Мюллерсон.* М., 1993. С. 10.

компетенцию. При этом законодательная компетенция характеризуется правомочием принимать решения или правила. Исполнительная компетенция заключается в действиях по осуществлению принятых решений и правил¹.

В среде теоретиков юриспруденции под суверенитетом понимается *ограниченная правом власть как внутри страны, так и в международных отношениях, осуществляемая от имени народа*². Данное понятие появилось в конце Средних веков, когда потребовалось отделить государственную власть от власти церковной и придать ей исключительное, монопольное значение. Сегодня суверенитет — обязательный признак государства. Страна, его не имеющая, — это колония, доминион или провинция.

В ходе исторической эволюции государств понятию «суверенитет» придавалась индивидуальная, характерная для каждого периода смысловая наполненность. Суверенитет, например, феодального государства в Средние века выглядел иначе, чем в период абсолютизма и в современную эпоху. Верховная власть монарха в нем по отношению к княжествам и герцогствам была больше номинальной, а их вассальная зависимость от короля или царя — относительной. Примером могут служить взаимоотношения Московского княжества с Новгородом и Тверью в XIV—XV вв., французских королей с герцогством Бургундским в XV—XVI вв.³ Тем не менее сущностная составляющая суверенитета оставалась неизменной, содержательная сторона — эволюционировала. Этот процесс был обусловлен как внутренними и внешними закономерностями развития отдельных государств, так и объективными и субъективными факторами. К первым мы относим особенности социального уклада государства, политической и экономической систем. Субъективные факторы обусловлены личностным пониманием государственности носителем суверенной власти. В частности, широко известно изречение Людовика XIV: «Государство — это я».

Сущность суверенитета государства нашими современниками характеризуется в качестве особого политико-юридического свойства верховной власти. Ученые пишут, что это свойство проявляется прежде всего в верховенстве, присущем государству, на его территории, а также — в независимости в международных отношениях⁴. Аналогичную оценку суверенитета дают и другие авторы, терминологически не обозначая его в качестве особого политико-юридического свойства. Так, М. В. Баглай считает, что суверенитет государства — это «верховенство и независимость государственной власти внутри своей территории и по отношению к другим государствам»⁵.

¹ Следует обратить внимание на то, что рядом авторов исполнительная компетенция именуется как прерогативная. См.: Броунли Я. Международное право : в 2 т. : пер. с англ. / под ред. Г. И. Тункина. М., 1977. Т. 1. С. 425—426.

² См.: Пиголкин А. С. Теория государства и права : учебник. М., 2003. С. 34—36.

³ Там же. С. 34.

⁴ См.: Тункин Г. И. Основы современного международного права. М., 1956. С. 15; Ушаков Н. А. Юрисдикционные иммунитеты государств и их собственности. С. 14—15; Зиновьев А. В. Суверенитет, демократия, государство // Правоведение. 2006. № 6. С. 21; Романова Л. М. «Суверенная демократия» как политико-правовая категория // Философия права. 2006. № 4. С. 100; Пастухова Н. Б. О многообразии подходов к трактовке и пониманию суверенитета // Государство и право. 2007. № 12. С. 80; Грачев Н. И. Суверенитет как феномен верховной власти // Закон и право. 2007. № 2. С. 3; Макуев Р. Х. Несостоятельность идеи «ограниченного» суверенитета // Государство и право. 2008. № 9. С. 24 и др.

⁵ Баглай М. В., Габричидзе Б. И. Конституционное право Российской Федерации. М., 1996. С. 125.

Данная точка зрения, на наш взгляд, справедлива. Объясняется это тем, что не следует перегружать понятийный аппарат науки терминами и конструкциями, не несущими смыслового и сущностного значения. Указывая на особую политико-юридическую характеристику суверенитета, не следует упускать из виду его экономические, социальные и иные свойства.

Р. Г. Тимофеева полагает, что суверенитет — это свойство государственной власти самостоятельно и независимо от власти других государств осуществлять свои функции на его территории и за ее пределами в международном общении¹.

Достаточно емкое определение суверенитета предлагает Н. И. Грачев. Исследователь пишет, что суверенитет — это «признанная государствообразующим народом (легитимная), внешне непроемкая, постоянная, юридически неограниченная верховная власть, обладающая универсальным полномочием на управление государством в целом и концентрирующая монопольное право на принятие окончательных решений по всем вопросам общегосударственного значения»². Мнение автора небесспорно, что связано, в первую очередь, с формулировкой «юридически неограниченная верховная власть». Обозначенный признак суверенитета противоречит естественно-правовой доктрине, признающей права и свободы человека высшей ценностью. Ситуация в Украине это подтверждает. Верховная власть государства должна обладать независимостью и быть ограничена действием права. В противном случае возрастает риск установления диктаторского политического режима в государстве со всеми сопутствующими этому явлению элементами: злоупотребление властью; массовые репрессии; идеологическая цензура; геноцид; экстремистские и террористические акции и т. д. Примеры подобных процессов мы сегодня наблюдаем на территории соседнего государства. Небезынтересной, однако, выглядит мысль ученого о рассмотрении в качестве признака суверенитета «монопольного права верховной власти на принятие окончательных решений»³. Следует согласиться с автором, но с одним уточнением. Выделенный элемент суверенитета государства оправдан, но его обособление — не вполне. Независимость, как сущностное качество верховной власти, предполагает монопольное право на принятие решений, касающихся всего общества. Если власть подобным правом не наделена, она уже не верховная, а скорее, производна от другой власти и подчинена ей. Примеры подобных явлений нам хорошо известны, опять же со ссылкой на современную Украину и «партнерскую помощь» в организации демократической власти, оказываемую США и ее представителями: вице-президентом Д. Байденом, заместителем госсекретаря В. Нуланд, сенатором Д. Маккейном и др. На тот факт, что внутренняя и внешняя политика де-юре суверенного Украинского государства осуществляется под покровительством Запада, ранее неоднократно обращалось внимание⁴.

Целью настоящей работы (как минимум в первой ее части) не являлось исчерпывающе изложить все противоречия, складывающиеся вокруг

¹ См.: Конституционное право : учебник / отв. ред. В. В. Лазарев. М., 1999. С. 216 (автор главы — Р. Г. Тимофеева).

² Грачев Н. И. Государственное устройство и суверенитет в современном мире: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 10.

³ Там же.

⁴ См.: Зорькин В. Д. Кризис международного права : современный контекст // Российская газета. 2014. 20 июня.

политико-правового понятия «иммунитет государства». Мы предприняли лишь первый шаг к тому, чтобы привлечь внимание научной общественности к попыткам переоценки общечеловеческих, национальных и межнациональных ценностей под призмой укрепления народовластия и суверенитета отдельных государств. Некоторые из приведенных в работе примеров отчетливо показали, что такая многомерная категория, как правовая культура, и такие ее виды, как культура правотворчества, правоприменения, прав человека, путем оказания политического давления могут быть легко отодвинуты на второй план или вовсе забыты.

Некоторые ответы на озвученные в рамках данной дискуссии вопросы, а также возможные пути выхода из сложившейся ситуации будут изложены в следующем номере журнала «Правовая культура».

Пристатейный библиографический список

1. Броунли, Я. Международное право : в 2 т. : пер. с англ. / Я. Броунли ; под ред. Г. И. Тункина. — М. : Прогресс, 1977. — Т. 1. — 456 с.
2. Грачев, Н. И. Государственное устройство и суверенитет в современном мире: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Н. И. Грачев. — М., 2009. — 43 с.
3. Зиновьев, А. В. Суверенитет, демократия, государство // Правоведение. — 2006. — № 6. — С. 20–28.
4. Лукашук, И. И. Международное право. Общая часть : учебник. — 2-е изд., перераб. и доп. / И. И. Лукашук. — М. : Бек : ИНФРА-М, 2001. — 420 с.
5. Лунц, Л. А. Курс международного частного права: Особенная часть. 2-е изд., перераб. и доп. / Л. А. Лунц. — М. : Юрид. лит., 1975. — 504 с.
6. Макуев, Р. Х. Несостоятельность идеи «ограниченного» суверенитета // Государство и право. — 2008. — № 9. — С. 23–29.

References

1. Brownly, J. Mezhdunarodnoe pravo: v 2 t. [International law: in 2 v.]: per. s angl. / J. Brownly; pod red. G. I. Tunkina. — M.: Progress, 1977. — T. 1. — 456 p.
2. Grachev, N. I. Gosudarstvennoe ustrojstvo i suverenitet v sovremennom mire: voprosy teorii i praktiki : avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk [State structure and sovereignty in the modern world: theory and practice: author. dis. ... doctor of legal sciences] / N. I. Grachev. — M., 2009. — 43 p.
3. Lukashuk, I. I. Mezhdunarodnoe pravo. Obshhaja chast': uchebnik [International law. General part: textbook]. — 2nd edition / I. I. Lukashuk. — M.: Bek : INFRA-M, 2001. — 420 p.
4. Lunc, L. A. Kurs mezhdunarodnogo chastnogo prava: Osobennaja chast' [Course of international private law: Special part]. — 2nd edition / L. A. Lunc. — M.: Jurid. lit., 1975. — 504 p.
5. Makuev, R. H. Nesostojatel'nost' idei «ogranichennogo» suvereniteta [The failure of the idea of “limited” sovereignty] // Gosudarstvo i pravo. — 2008. — № 9. — P. 23–29.
6. Zinov'ev, A. V. Suverenitet, demokratija, gosudarstvo [Sovereignty, democracy, state] // Pravovedenie. — 2006. — № 6. — P. 20–28.